II.

РОДЪ И ДѢТСТВО ПУШКИНА.

Въ послѣдней книжкѣ «Москвитянина» за прошлый 1852 годъ, между матеріалами для исторіи русской словесности, которыми нерѣдко украшается журналъ этотъ, напечатана небольшая статья: подъ заглавіемъ: *Для біографіи Пушкина.* Кому дорога́ память великаго поэта, тотъ прочелъ ее, конечно, съ живѣйшимъ любопытствомъ. Она принадлежитъ Александру Юрьевичу Пушкину, родственнику покойнаго (со стороны матери). Хотя вся она состоитъ изъ подробностей, относящихся болѣе къ предкамъ и родственникамъ поэта, нежели къ нему самому, но тѣмъ не уменьшается ея занимательность и важность. Самъ Пушкинъ дорожилъ древностью своего рода и самыми мелкими извѣстіями о своихъ предкахъ; и хотя это уваженіе проистекало, быть-можетъ, отъ особенныхъ, частныхъ обстоятельствъ, тѣмъ неменѣе оно многозначительно. Итакъ нельзя не поблагодарить почтеннѣйшаго Александра Юрьевича за сообщенныя имъ свѣдѣнія.

Свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе дороги, что до-сихъ-поръ въ нашей литературѣ очень-мало было говорено о родѣ Пушкиныхъ. Все, что́ мы о немъ знаемъ, заключается почти-исключительно въ краткихъ замѣткахъ самого поэта и въ немногихъ указаніяхъ Бантышъ-Каменскаго, который (замѣчу мимоходомъ) во второмъ томѣ своего «Словаря Достопамятныхъ Людей» (изд. 1847 года)

напечаталъ самую полную въ настоящее время біографію Пушкина. Правда, родословная Пушкиныхъ напечатана въ извѣстной «Родословной Книгѣ», изданной въ 1787 году въ Москвѣ; ее можно найдти также въ «Родословной Книгѣ», напечатанной недавно въ десятой книжкѣ «Временника» Общества Исторіи и Древностей; но это не болѣе, какъ исчисленіе собственныхъ именъ... Къ-тому же эта родословная не идетъ дальше конца XVII столѣтія.

Постараемся сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ, болѣе-опредѣлительныхъ.

Прежде всего представляется вопросъ о древности рода Пушкиныхъ, объ этой древности, которою такъ дорожилъ незабвенный поэтъ. Пушкины происходятъ отъ прусскаго (1) выходца *Радши, мужа честна*, по выраженію лѣтописца (2). Этотъ Радша выселился къ намъ въ княженіе св. Александра Невскаго. Но отъ него ведутъ свой родъ Пушкины вмѣстѣ со многими другими родами; настоящій же предокъ ихъ, отъ котораго пошло ихъ имя, былъ нѣкто *Григорей Пушка*, потомокъ Радши, въ шестомъ колѣнѣ, какъ передаютъ намъ «родословцы». Когда жилъ этотъ Григорей Пушка и, слѣдовательно, когда повелись на Руси Пушкины—положительно сказать трудно, потому-что о Григорьи Пушкѣ упоминается только въ «родословцахъ» и нигдѣ не говорится въ другихъ историческихъ памятникахъ. Мы можемъ, однако, съ вѣроятностью помѣстить его въ началѣ XV вѣка, и именно на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Въ весьма-любопытномъ *счетномъ дѣлѣ*, или мѣстническомъ спорѣ Пушкина съ Плещеевымъ (3), первый говоритъ, что «прадѣда его не стало при Великомъ Князѣ Василіи Ивановичѣ, тому больши ста лѣтъ». Споръ происходилъ въ 1627 году, слѣдовательно прадѣдъ спорщика жилъ около двадцатыхъ годовъ XVI-го столѣтія, а этотъ прадѣдъ, по «родословцамъ», Иванъ, приходился правнукомъ Григорью Пушкѣ, то-есть происходилъ отъ него въ третьемъ колѣнѣ. Отсчитывая на три поколѣнія сто лѣтъ, мы должны будемъ отнести Григорья Пушку къ началу XV вѣка, или къ концу XIV-го. Это подтверждается еще тѣмъ, что праправнуки Пушки, то-есть четвертое колѣно, служили, какъ замѣчено въ родословной, *новгородскому владыкѣ Геннадію*, а Геннадій жилъ въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го вѣка († 1505).

---

(1) Вѣроятно, славянскаго; ибо Пруссія тогда еще не существовала. Когда составлялась родословная, тамошнія мѣста уже назывались не иначе, какъ Пруссіею.

(2) Карамз. т. IV, прим. III.

(3) «Временникъ», 1852, книга 14-я.

Итакъ, Пушкины пользуются почти пятисотлѣтнею давностью своего существованія на Руси, и поэтъ справедливо, хотя съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ, хвалился своимъ *шестисотлѣтнимъ дворянствомъ*.

У Григорья Пушки было семь сыновей. Отъ нихъ, по разнымъ прозвищамъ, напримѣръ, Курчь, Рожонъ, Муса, Кологривъ, Шаѳеръ, Бобрище (4) и проч. пошли многіе наши роды, перечисленные въ родословныхъ. Пушкины собственно, удержавшіе прозвище родоначальника, пошли отъ пятаго изъ этихъ сыновей — Константина.

Мы не намѣрены излагать въ подробности родословную роспись Пушкиныхъ, тѣмъ болѣе, что это чрезвычайно-трудно сдѣлать, ибо перечень Пушкиныхъ, занимающій шесть страницъ извѣстной «Родословной Книги», весьма перепутанъ. Наша цѣль поговорить о Пушкиныхъ, являвшихся въ русской исторіи чѣмъ-нибудь замѣчательнымъ, представить, сколько то возможно, исторію Пушкиныхъ.

Но и тутъ мы должны ограничиться лишь главнѣйшимъ. Исчислять всѣхъ Пушкиныхъ, записанныхъ въ нашихъ историческихъ памятникахъ, нѣтъ ни возможности, ни, кажется, нужды. Поэтъ былъ совершенно правъ, сказавъ, что имена предковъ его встрѣчаются поминутно въ нашей исторіи. Двадцать-одинъ разъ говорится о нихъ въ «Исторіи Государства Россійскаго» (откуда попреимуществу узнавалъ поэтъ о своемъ родѣ). Вдвое, втрое бо́льшее число ихъ можно набрать изъ лѣтописей, разрядовъ, чиновниковъ, синодиковъ и пр. Конечно, упоминается часто только одно имя ихъ, безъ обозначенія дѣйствій; но самое число упоминаній ужь говоритъ въ пользу извѣстности и значенія этого стариннаго рода. Выбираемъ самое замѣчательное.

Выше было сказано, что праправнуки Григорья Пушки служили новгородскому владыкѣ Геннадію. Въ Новгородѣ же встрѣчаемъ перваго Пушкина, упоминаемаго въ «Исторіи» у Карамзина. Въ маѣ 1514 года, при в. к. Василіи Ивановичѣ, возобновлялись у насъ сношенія съ Ганзою, прерванныя Іоанномъ III-мъ; пріѣхали въ Новгородъ послы 70-ти ганзейскихъ городовъ и утвердили договорную граммату; съ нашей стороны «за намѣстниковъ «цѣловали крестъ *бояре* новогородскіе, Григ. Петр. Валуевъ,

---

(4) Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ прозвищъ въ родѣ Пушкиныхъ: Морхиня, Булага, Збужоръ, Кострецъ, Слепень, Чесыхо, Шумиха, Брызгало, Лихачь, Курица, Черть, Другиня, Неклюдъ, Субота, Злоба, Сулемша и пр. и пр.

«*Иванъ Ивановичь Пушкинъ*, купецкій староста Вас. Никит. Таракановъ» (5) и пр. Такимъ-образомъ въ первый разъ въ исторіи нашей Пушкины являются ужь въ санѣ бояръ *новогородскихъ*. Этотъ Иванъ Ивановичъ, безъ-сомнѣнія, тотъ самый, на котораго ссылается вышеупомянутый спорщикъ. При Васильи Ивановичѣ больше не упоминается ни объ одномъ Пушкинѣ, по-крайней-мѣрѣ мы не встрѣтили ни одного, ни у Карамзина, ни въ другихъ доступнымъ намъ источникахъ.

Надо думать, что при Іоаннѣ IV Пушкины переселились, или были переселены въ Москву. Во вторую половину этого царствованія они ужь очень-часто являются, и сначала опальные (вѣроятно, потому, что были Новгородцы) выслуживаются и мало-по-малу возвышаются. Въ одномъ синодикѣ упоминается, въ числѣ дѣтей боярскихъ Великаго Новагорода подъ градомъ Казанью пострадавшихъ и убіенныхъ, Тихоміръ Юрьевъ сынъ Пушкинъ (6). Во время Опричины Пушкины принадлежали къ людямъ земскимъ. Они были въ опалѣ у Грознаго, о чемъ говорится въ вышеупомянутомъ счетномъ дѣлѣ. Пушкинъ говоритъ тамъ: «А въ 79 го-«ду (то-есть 1571) была у Государя Опришнина, а родители на-«ши втѣпоры были въ опалѣ въ земскихъ, и хотя будетъ въ «Государевой не въ милости, и были въ томъ году въ подрын-«дахъ.» Но вскорѣ Пушкины начали возвышаться, именно: пять сыновей нѣкоего Михаила Ѳедоровича, прямаго потомка Григорья Пушки въ 6-мъ колѣнѣ. Особенно поднялъ свой родъ старшій изъ этихъ пяти братьевъ, *Остафій* или *Остапей Михайловичъ* (7): на него послѣ постоянно ссылаются Пушкины въ родословныхъ счетахъ своихъ и мѣстническихъ притязаніяхъ. О немъ такъ часто говорится въ памятникахъ того времени, что легко прослѣдить всю его службу и возвышеніе (8). Въ 1573 году встрѣчаемъ его *рындою* у царевича Ѳеодора Ивановича, въ *поѣздѣ* на свадьбѣ Магнуса; на войнѣ онъ *въ сторожахъ*. Въ томъ же году царь смѣнилъ имъ князя Коркодинова и велѣлъ *быть у наряду*,

---

(5) Карамз. т. VII, прим. 103.

(6) Россійская Вивліоо. ч. VIII. Мы пользовались первымъ изданіемъ этого драгоцѣннаго сборника.

(7) Въ «Борисѣ Годуновѣ», въ разговорѣ съ Шуйскимъ, онъ изображенъ, какъ живой свидѣтель грознаго іоаннова царствованія. По ошибкѣ самого Пушкина, или по недосмотру издателей, онъ названъ тамъ Аѳанасіемъ.

(8) Подробныя ссылки почитаемъ излишними. Мы пользовались, кромѣ Карамзина, «Др. Росс. Виѳліоѳикою», изданіями Археогр. Эксп., «Разрядной книгою», изданною Валуевымъ, «Временникомъ».

то-есть завѣдывать артиллеріею, что́ ужь показываетъ его смышленость. Въ 1575 году онъ продолжаетъ, вмѣстѣ съ кн. Волконскимъ, завѣдывать нарядомъ. Въ слѣдующемъ году мы его встрѣчаемъ воеводою *въ правой рукѣ*, *въ передовомъ полку*, воеводою въ Новосили, воеводою въ Старицѣ. Въ 1581 году онъ воевода въ Смоленскѣ—должность по тому времени важная и предполагающая многія достоинства въ ея исполнителѣ. Вѣроятно, онъ умѣлъ обратить на себя вниманіе прозорливаго царя, который въ томъ же году употребилъ его въ тогдашнихъ трудныхъ и важныхъ сношеніяхъ съ Баторіемъ. Онъ былъ принятъ въ число *думныхъ дворянъ* — новый санъ, учрежденный въ 1572 году для введенія въ Думу людей, по выраженію Карамзина, *отличныхъ умомъ, хотя и незнатныхъ родомъ*. Вмѣстѣ съ Писемскимъ, Остафей Михаиловичъ отправился къ Баторію. Въ наказѣ имъ было сказано: «а будетъ учнутъ укорять, или безчествовати, или лаяти... ино «отвѣчивати слегка, а не бранитися». Ужь овладѣвшій тогда Великими Луками Баторій не захотѣлъ говорить съ послами нашими; потомъ, однако, принималъ ихъ въ Вильнѣ (9). Смышленость и ловкость Остафея Михайловича доказываются еще порученіемъ, которое ему сдѣлалъ Іоаннъ въ слѣдующемъ, 1582 году. Тогда въ Москвѣ былъ знаменитый Антоній Поссевинъ; происходили любопытныя пренія съ нимъ нашего царственнаго діалектика. Въ первое воскресенье великаго поста, въ недѣлю православія, царь бесѣдовалъ съ Антоніемъ и, послѣ богословскихъ споровъ, захотѣлъ показать ему наше богослуженіе. «И велѣлъ Государь съ Антоньемъ итти въ церковь *О. Пушкину* «да Ѳ. Писемскому и приставомъ его, а наказалъ, чтобъ они по«дождали Государя предъ Пречистою (передъ Успенскимъ Собо«ромъ), и Антоней бы то видѣлъ, какъ встрѣтитъ Государя со «кресты Митрополитъ, и Антоней бы за Государемъ же... и Ан«тоней хотѣлъ итти тотчасъ въ церковь не дожидаяся Государ«скаго приходу, и О. Пушкинъ съ товарищи его поуняли, и Ан«тоней почалъ сердитовати, а хотѣлъ ѣхати къ себѣ на подворье; «и они сказали про то Государю, и царь прислалъ къ Антонею «Дьяка А. Щелкалова, а велѣлъ ему говорити, чтобъ онъ не при«гожева дѣла не дѣлалъ» (10) и пр. Скоро затѣмъ послѣдовавшая смерть царя остановила возвышеніе Пушкина. Въ слѣдующее царствованіе находимъ его *намѣстникомъ елатомскимъ*. Въ этомъ санѣ онъ ѣздилъ, въ 1592 году, съ другими *полными великими послами* на рѣку Нарову, для заключенія вѣчнаго мирнаго

(9) Карам. т. IX, стр. 322, прим. 558.
(10) Карамз. т. IX, прим. 632.

договора со Швеціею (11). Потомъ его посылали въ Астрахань, гдѣ скоропостижно умеръ изгнанный крымскій царевичъ Муратъ, усердствовавшій Россіи. Думали, что его испортили подосланные изъ Крыма *злодѣи* (вѣдуны). Государь послалъ въ Астрахань «Дворянина своего Остафья Михайловича Пушкина и вѣдуновъ «пытати велѣлъ, по чьему умышленью портили» (12). Такое порученіе опять показываетъ въ Остафьѣ умнаго дѣльца. Въ 1597 году, во время великолѣпнаго пріема, который устроили въ Москвѣ послу императора Рудольфа, буркграфу Донавскому, въ числѣ знатныхъ лицъ, окружавшихъ Бориса Годунова, встрѣчаемъ «дворянина Остафья Мих. Пушкина». Исчисливъ эти лица, исторіографъ прибавляетъ: «Вотъ люди родовые, болѣе или менѣе «знатные, которые послѣ Іоаннова вѣка окружали престолъ Мо«сковскій» (13).

Надо думать, что Борисъ Годуновъ, еще будучи правителемъ, не доброжелательствовалъ Пушкину; по-крайней-мѣрѣ его удаленіе отъ двора о томъ можетъ свидѣтельствовать. Эта немилость выказалась явно, вѣроятно тогда, когда родственникъ его Гаврила передался Отрепьеву. По доносу дворовыхъ людей своихъ, Остафій Михайловичъ сосланъ въ Сибирь *съ братіею* (14). Тамъ впослѣдствіи онъ воеводствовалъ въ Тобольскѣ, гдѣ, вѣроятно, и умеръ безъ потомства; по-крайней-мѣрѣ о дѣтяхъ его нигдѣ не упоминается.

Можно думать, что Остафій Михайловичъ содѣйствовалъ братьямъ своимъ на служебномъ поприщѣ. Иванъ Михайловичъ, въ санѣ ловчаго, воеводствовалъ въ началѣ войны Іоанна съ Баторіемъ, въ 1578 г., и потомъ въ концѣ этой войны, въ 1583 г., вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Елецкимъ ѣздилъ въ Варшаву, чтобъ взять съ короля присягу въ вѣрномъ соблюденіи заключеннаго договора. При Ѳеодорѣ онъ отвозилъ въ Астрахань царевича Мурата. Годуновъ сослалъ его въ Сибирь за то, что *билъ челомъ въ отечествѣ* на князя Андрея Елецкаго. Про третьяго брата, Леонтія, извѣстно, что онъ былъ также сосланъ въ Сибирь Годуновымъ, потомъ воротился и въ смутное время былъ убитъ подъ Кромами. Братъ его, тоже Иванъ Михайловичъ, убитъ подъ Новгородомъ. Пятый братъ, Никита, въ смутное время былъ окольничимъ, воеводствовалъ на Вологдѣ и получилъ благодарствен-

---

(11) Кар. т. X, прим. 290.
(12) Тамъ же, прим. 254.
(13) Тамъ же, примѣч. 315.
(14) Т. XI, примѣч. 161.

ную граммату отъ Шуйскаго за успѣшныя дѣйствія противъ русскихъ воровъ и литовскихъ людей. Его сынъ, Василій Никитичъ, извѣстевъ по мѣстническому дѣлу съ Андреемъ Плещеевымъ, напечатанному въ 14-й книжкѣ «Временника». Тутъ онъ показалъ ловкость, умъ; онъ явно превосходитъ своего соперника хитрымъ изобрѣтеніемъ разныхъ *случаевъ* въ свою пользу, и между-прочимъ ссылается на родственника своего Гаврилу Пушкина, который измѣною попалъ въ милость къ Отрепьеву; Плещеевъ возразилъ ему на это, что *тотъ случай воровской*. Потомъ этого Василія Никитича мы встрѣчаемъ въ Сибири, воеводою въ Якутскѣ, на *великой рѣкѣ Ленѣ;* тамошніе служилые люди жаловались царю на его корыстолюбіе, жестокость и самоуправство (15).

Въ концѣ борисова царствованія эти Пушкины подверглись явной опалѣ, вѣроятно, за родственника своего Гаврилу, перешедшаго къ Отрепьеву. Остафій съ братьею, какъ сказано выше, былъ удаленъ въ Сибирь, и послѣ потомки ихъ почти не встрѣчаются на видныхъ мѣстахъ.

Замѣтнѣе становится въ XVII вѣкѣ другая вѣтвь Пушкиныхъ — сыновья нѣкоего *Григорья*, двоюродные братья тѣмъ, о которыхъ мы доселѣ говорили.

Извѣстно участіе Гаврилы Григорьевича Пушкина въ исторіи Отрепьева, который сдѣлалъ его *великимъ сокольничимъ*. Онъ удержался и послѣ смутнаго времени, и въ 1613 году, во время вѣнчанія царя Михаила Ѳеодоровича, даже не хотѣлъ *сказывать боярство* князю Пожарскому, считаясь съ нимъ мѣстами. Царь приказалъ, для его царскаго вѣнчанья, быть безъ мѣстъ. Знаменитому освободителю отечества, кромѣ того, приходилось два раза считаться съ Пушкиными : всѣ три раза судъ не былъ вершонъ. При Шуйскомъ, когда еще Пожарскій не совершилъ своего великаго дѣла, Иванъ Михайловичъ Пушкинъ, воевода коломенскій, билъ на него челомъ; въ другой разъ, въ 1628 г., не хотѣлъ быть ниже его мѣстомъ Борисъ Ивановичъ Пушкинъ, племянникъ Гаврилы (16). Личныя заслуги не признавались упорнымъ мѣстничествомъ ; Михаилъ Ѳеодоровичъ долженъ былъ самъ отстаивать освободителя Москвы, и Бориса Пушкина за безчестье послали въ тюрьму.

Не менѣе Гаврилы извѣстенъ былъ въ то время братъ его *Григорій Григорьевичъ*. Въ смутное время онъ оставался вѣренъ присягѣ и твердо стоялъ за Шуйскаго, подобно род-

---

(15) Дополн. къ Акт. Истор., т. III (1649 г.).

(16) См. Разряд. Книгу, напеч. въ «Симбирскомъ Сборникѣ».

ственнику своему *Михаилу Пушкину*, который погибъ за царя въ Землѣ Сѣверской, тогдашнемъ гнѣздѣ мятежа (17). Посланный противъ мятежниковъ, въ 1607 году, Григорій Гавриловичъ, вмѣстѣ съ Измайловымъ, *сдѣлалъ честно свое дѣло* (18)— выраженіе Карамзина, которое видимо льстило родовому самолюбію поэта. Этотъ Пушкинъ спасъ Нижній Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Ардатовѣ, и разбилъ мятежниковъ у Серебряныхъ-Прудовъ, дѣйствовалъ въ тѣхъ самыхъ, гдѣ нѣкоторое время жилъ его отдаленный потомокъ истинно-поэтическою жизнью (въ селѣ *Болдинѣ* Пушкинъ прожилъ осень 1830 года). Потомъ онъ былъ посыланъ изъ-подъ Москвы противъ Лисовскаго, и *въ санѣ боярина* воеводствовалъ въ *Большомъ Полку* вмѣстѣ съ княземъ Куракинымъ (19). Это первый *московскій* бояринъ изъ рода Пушкиныхъ. Съ него начинается значительное возвышеніе Пушкиныхъ, которые являются во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Стольникъ *Борисъ* Пушкинъ, впослѣдствіи спорившій съ Пожарскимъ, въ 1610 г., былъ отряженъ «изъ московскихъ чиновъ» въ посольство подъ Смоленскъ къ Сигизмунду съ просьбою дать на царство королевича Владислава. Въ началѣ 1613 года *Михаилъ* Пушкинъ былъ членомъ тогдашняго временнаго правительства; по-крайней-мѣрѣ подпись его встрѣчаемъ подъ грамматою, данною князю Трубецкому на отчину Вагу (20).

Въ царствованіе трехъ первыхъ государей изъ дома Романовыхъ, Пушкины были постоянно въ чести; изъ нихъ встрѣчаемъ и бояръ и окольничихъ. Самой большой почести достигъ *Григорей Гавриловичъ*. На свадьбѣ царя Михаила Ѳедоровича онъ упоминается въ числѣ 40 главныхъ стольниковъ и *бояръ большихъ* (21). Также между первыми сановниками встрѣчаемъ его на обѣихъ свадьбахъ царя Алексѣя Михайловича (1648 и 1671 годовъ); тутъ же, между первыми боярынями и жена его, Ульяна (22). Онъ *бояринъ и оружейничій*. Въ 1650 году онъ ѣздилъ къ Яну Казимиру съ требованіемъ, чтобъ не уменьшались титлы его царскаго величества. Объ этомъ мы знаемъ изъ 4-го тома «Актовъ Историческихъ». У Бантыша же Каменскаго сказано, что онъ заставилъ Яна Казимира сжечь на площади въ Варшавѣ всѣ предосудительныя книги для Россіи, поставилъ съ нимъ до-

---

(17) Карамз., т. XII, примѣч. 47.
(18) Тамъ же, примѣч. 116.
(19) Тамъ же, примѣч. 213.
(20) «Др. Росс. Вивл.», ч. VIII.
(21) Тамъ же, ч. VII.
(22) Тамъ же.

говоръ о наказаніи сочинителей и о ненарушимомъ содержаніи поляновскаго трактата; но авторъ не сказываетъ, откуда почерпнулъ это любопытное извѣстіе. Григорій Гавриловичъ именуется при этомъ случаѣ великимъ и полномочнымъ посломъ, бояриномъ и оружейничимъ и намѣстникомъ Нижняго Новгорода (23). Родной его племянникъ, стольникъ Матвѣй Степановичъ, какъ видно, участвовалъ въ дѣлѣ Никона; ибо въ «Описи Столбцамъ Патріаршаго Разряда» (напечатанной въ 5-мъ томѣ «Актовъ Историческихъ»), въ первомъ столбцѣ находилась «Сказка Матвѣя Пушкина о Никонѣ Патріархѣ». Что это была за сказка—неизвѣстно, такъ-какъ столбцы эти не изданы. Потомъ встрѣчаемъ его окольничимъ и воеводою въ Астрахани; наконецъ онъ достигъ сана боярскаго. Поэтъ упоминаетъ о немъ въ своихъ запискахъ и иронически ставитъ ему въ упрекъ, что онъ подписался подъ грамматою объ уничтоженіи мѣстничества. Его значеніе, какъ одного изъ первыхъ бояръ, продолжалось и при царѣ Петрѣ. Въ 1694 года вмѣстѣ съ знатнѣйшими тогда лицами: Голицынымъ, Лыковымъ, Ромодановскимъ, Бутурлинымъ, онъ сопровождалъ царя въ походѣ къ Архангельску; тогда же, въ потѣшномъ кожуховскомъ походѣ онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Никитою Зотовымъ въ государевой нарядной каретѣ. Братъ его, *Яковъ*, также нерѣдко упоминается въ дѣлахъ того времени.

Все сказанное довольно свидѣтельствуетъ о древности и знатности Пушкиныхъ. Они участвуютъ въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ:

Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
И въ воеводствѣ, и *въ отвѣтѣ*,
Служили доблестно царямъ.

Въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка Пушкины утрачиваютъ свое значеніе; они еще сохраняютъ родовыя связи и богатство, но ихъ не видать больше на замѣтныхъ мѣстахъ службы; и только черезъ сто слишкомъ лѣтъ суждено имъ было вновь прославиться на Руси новою славою, въ лицѣ знаменитаго поэта.

---

(23) Поэтъ дорожилъ памятью его и его дяди. Въ честь ихъ онъ назвалъ Григорьемъ втораго своего сына.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть поближе родословную поэта и показать предковъ его по прямоя линіи. Скажемъ напередъ, что это дѣло трудное, именно потому, что въ XVIII вѣкѣ Пушкиныхъ не встрѣтишь въ нашихъ историческихъ памятникахъ, и источникомъ служатъ одни записанныя семейныя преданія, въ которыхъ есть противорѣчія. Итакъ просимъ родственниковъ поэта исправить наши ошибки, буде таковыя окажутся.

Былъ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ и сыновьяхъ его, нѣкто стольникъ *Петръ Петровичъ* Пушкинъ (24). Родной дѣдъ его, *Тимоѳей Семеновичъ* (25) приходится двоюроднымъ братомъ тому Остафью, о которомъ было говорено выше. Это одна изъ вѣтвей обширнаго рода, недостигавшая большой извѣстности. Петръ Петровичъ жилъ въ Москвѣ, въ Бѣломъ Городѣ, на большомъ дворѣ своемъ, на Рожественкѣ, въ приходѣ, теперь, кажется, ужь несуществующей церкви Николая Чудотворца Божедомскаго. Домъ этотъ достался вдовѣ его Настасьѣ Аѳанасьевнѣ, дочери Василисѣ, вышедшей потомъ за стольника Собакина, и двумъ сыновьямъ, стольникамъ Ѳедору и Петру Петровичамъ (26). У втораго изъ нихъ, Петра, надо думать, было два брата, Александръ и Михаилъ Петровичи, изъ которыхъ первый приходится роднымъ прадѣдомъ Александра Сергѣевича, по отцу его, а второй роднымъ прапрадѣдомъ по матери (27).

Александръ Петровичъ Пушкинъ служилъ въ гвардіи и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ въ припадкѣ сумасшествія. Извѣстіе о женитьбѣ его на дочери знаменитаго любимца петрова и перваго андреевскаго кавалера, Ивана Михаиловича Головнина(?), помѣщенное въ «Запискахъ» поэта и у Бантышъ-Каменскаго—сомнительно, потому-что по «Дневнику» Берхгольца, присутствовавшаго и подробно описавшаго эту свадьбу, надо полагать, что тò былъ не Пушкинъ, а Мусинъ-Пушкинъ. Единственный сынъ Александра

---

(24) Онъ былъ въ числѣ поѣзжанъ на первой свадьбѣ Алексѣя Михайловича (Вивл., ч. II.—Слич Акты. Истор., т IV, стр. 29).

(25) О немъ и сынѣ его Петрѣ Тимоѳеевичѣ см. «Временникъ», кн. 14, стр. 21 и 25.

(26) Все это видно изъ двухъ находящихся у меня рукописныхъ бумагъ, *выписи* и *купчей* на означенный домъ.

(27) См ниже. Свѣдѣнія объ этихъ ближайшихъ предкахъ Пушкина заимствуемъ изъ собственныхъ его *Записокъ*, въ томъ видѣ, какъ они были напечатаны въ «Сынѣ Отечества» 1840 года (№ 7, т. II, апрѣль), изъ Замѣтокъ Александра Юрьевича Пушкина («Москвит.» 1852 г., № 24) и изъ рукописныхъ воспоминаній о дѣтствѣ А. С. Пушкина, составленныхъ со словъ сестры его.

Петровича, дѣдъ поэта, Левъ Александровичъ, былъ женатъ два раза: первая жена его, Воейкова, не оставила дѣтей; отъ второй, Чичериной, родились Сергѣй и Василій Львовичи и нѣсколько дочерей. Левъ Александровичъ служилъ въ артиллеріи подполковникомъ. Владѣтель 3000 душъ, онъ жилъ знатнымъ бариномъ въ Москвѣ и деревняхъ своихъ (особенно въ селѣ Болдинѣ, Нижегородской Губерніи, Лукояновскаго Уѣзда). Къ чести его относится, что онъ далъ отличное, по тогдашнему времени, воспитаніе сыновьямъ своимъ.

Старшій изъ нихъ, въ свое время очень-извѣстный, Василій Львовичъ (28), родился 27 апрѣля 1770 года, въ Москвѣ. Воспитавшись въ домѣ родительскомъ, онъ поступилъ въ екатерининскую гвардію и былъ сослуживцемъ Дмитріева, съ которымъ оставался до конца жизни пріятелемъ. Это знакомство, вмѣстѣ съ природными стремленіями, образовало изъ него русскаго стихотворца... Послѣ неудачнаго брака, онъ до конца велъ жизнь одинокую. Независимое состояніе, образованность, острота ума, соединенная съ любезностью и добродушіемъ, давали ему всегда видное мѣсто въ обществѣ. Съ конца прошлаго столѣтія онъ сдѣлался почти постояннымъ Москвичомъ. Въ однихъ рукописныхъ воспоминаніяхъ (29) метко и живо разсказано его пребываніе въ селѣ Мареинѣ, въ гостяхъ у бывшаго московскаго генерал-губернатора, графа Ивана Петровича Салтыкова (іюнь, 1801 г.). Въ 1802 и 3-мъ годахъ онъ путешествовалъ по Европѣ и обогащался свѣдѣніями. Въ Парижѣ онъ познакомился со многими литературными знаменитостями, перевелъ для нихъ нѣсколько старинныхъ русскихъ пѣсенъ и сказокъ, и переводъ тогда же былъ напечатанъ въ журналѣ графа Сегюра: Archives littéraires. Извѣстный Сен-Пьеръ находилъ въ нихъ много сходства съ древностью гомерическою. Въ Парижѣ и Лондонѣ Василій Львовичъ собралъ драгоцѣнную библіотеку, которая, къ-сожалѣнію, сгорѣла въ 1812 году: въ ней многія книги принадлежали Французской Королевской Библіотекѣ. Впослѣдствіи онъ собралъ себѣ другую библіотеку. Вообще онъ былъ горячо преданъ литературѣ и просвѣщенію, а его искренность и добросердечіе заставляли забывать нѣкоторыя странности, къ числу которыхъ принадлежали франтовство и излишняя страсть читать вслухъ стихи. Въ 1807 году, въ Москвѣ, вышло въ небольшомъ числѣ

---

(28) См. «Некрологъ В. Л. Пушкина», напечатанный другомъ его М. Макаровымъ въ 70 № «Московскихъ Вѣдомостей» 1830 года.

(29) Тѣхъ самыхъ, о которыхъ говорится въ біографіи Крылова («Полное Собр. Сочин. Крылова» 1847 г., т. I, стр. XLI).

экземпляровъ *Путешествіе г-на Пушкина въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія.* Эту шутку сочинилъ Дмитріевъ и напечаталъ ее для знакомыхъ (въ типографіи родственника своего Пл. Бекетова) съ фронтисписомъ, на которомъ «славный парижскій актеръ Тальма, наставляетъ путешественника въ искусствѣ театральной игры» (30). Вотъ отрывки изъ этого путешествія:

«Друзья! сестрицы! я въ Парижѣ.
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе
Мой маленькій журналъ читать.
Я былъ въ Лицеѣ, Пантеонѣ,
У Бонапарта на поклонѣ,
Стоялъ близёхонько къ нему,
Не вѣря счастью моему.
Вчера меня князь Долгоруковъ
Представилъ милой Рекамье;
Я видѣлъ корпусъ мамелюковъ,
Сіеса, Вестриса, Мерсье.
. . . . . .
Я въ Лондонѣ, друзья, и къ вамъ
Уже объятья простираю!
Какъ всѣхъ увидѣть васъ желаю!
Сегодня на корабль отдамъ
Всѣ, всѣ свои пріобрѣтенья
Въ двухъ знаменитѣйшихъ странахъ.
. . . . . .
Какой прекрасный выборъ книгъ!
Считайте, я скажу вамъ вмигъ:
Бюффонъ, Руссо, Мабли, Корнелій,
Гомеръ, Плутархъ, Тацитъ, Виргилій,
Весь Шакеспиръ, весь Попъ и Гюмъ;
Журналы Адиссона, Стелля!
(И все Дидота Бакервиля!)
Европы цѣлой собранъ умъ!» и проч.

Въ литературныхъ преданіяхъ сохранилась память о церемоніалѣ, съ которымъ Василій Львовичъ былъ принятъ въ «Арзамасъ». Какъ старшій изъ дѣйствительныхъ членовъ этого общества, онъ назывался *старшиною Арзамаса.* Но, кромѣ того, подобно прочимъ членамъ, онъ носилъ имя, заимствованное изъ

(30) О сношеніяхъ его съ Тальмою см. «Московскій Телеграфъ» 1827 года, № 2, стр. 78, въ статьѣ о Тальмѣ, принадлежащей, по всей вѣроятности, кн. Вяземскому.

балладъ секретаря общества, Жуковскаго. Ему дали названіе *Вотъ*.

Пріятель Карамзина, Вяземскаго и Жуковскаго, онъ радовался успѣхамъ своего геніальнаго племянника, который увѣрялъ его, что онъ ему *дядя и на Парнассѣ*, и до конца сохранилъ къ нему родственную привязанность. Въ 1830 году, когда Василій Львовичъ, страдавшій подагрою, лежалъ ужь на одрѣ смерти, Александръ Сергѣевичъ заботливо ухаживалъ за нимъ. Старый литераторъ оставался до послѣдней минуты вѣренъ себѣ, продолжалъ читать и разговаривать о литературѣ. Тогда въ одной газетѣ печатался цѣлый рядъ статей К–на объ исторіи словесности. «Какъ скучны разборы К–на!» сказалъ Василій Львовичъ. «Выйдемте, господа» обратился къ присутствующимъ Александръ Сергѣевичъ, постоянный защитникъ К-на: «пусть это будетъ его послѣднее слово!» Вскорѣ, 20 августа 1830 г., Василій Львовичъ скончался и похороненъ въ Донскомъ Монастырѣ. Племянникъ несъ его туда съ Басманной, гдѣ у покойнаго былъ свой домъ съ знаменитымъ въ Москвѣ поваромъ Власомъ или Блезомъ (31). Его каламбуры и записки въ стихахъ были извѣстны всему московскому обществу. Послѣднія изданы въ особой книжкѣ пріятелемъ его Шаликовымъ въ 1834 году подъ заглавіемъ: *Записки въ стихахъ В. Л. Пушкина*. Жизнь и произведенія его могутъ быть предметомъ особой, любопытной статьи.

Братъ его, отецъ поэта, также служилъ первоначально въ гвардіи, въ Измайловскомъ Полку, потомъ числился въ Коммисаріатѣ и по этой службѣ жилъ нѣкоторое время въ Варшавѣ. Въ отставкѣ онъ имѣлъ 5-й классъ. Наравнѣ съ братомъ своимъ, онъ получилъ блестящее французское образованіе. Созданный для общества, онъ умѣлъ оживлять его своими неистощимыми остротами и каламбурами. Въ дамскихъ альбомахъ осталось отъ него много прекрасныхъ стиховъ на французскомъ языкѣ; въ одномъ, принадлежавшемъ славной въ свое время пьянисткѣ, г-жѣ Шимановской, тещѣ автора «Крымскихъ Сонетовъ», написалъ онъ посланіе къ ней, прозою и стихами, въ которомъ говорится о тогдашней русской литературѣ (32). Также въ высокой степени вла-

---

(31) См. статью М. Макарова въ «Современникѣ» 1843 года, № 3.— См. также о Васильѣ Львовичѣ «Дневникъ Студента», подъ 2-мъ числомъ марта, 9-мъ октября и проч.

(32) См. «Телеграфъ» 1827 года. Въ альбомѣ Шимановской, украшенномъ многими знаменитыми людьми, есть также стихи Карамзина, Жуковскаго, Дмитріева, Крылова, Гнѣдича и др. Она была у насъ въ 20-хъ годахъ.

дѣлъ онъ сценическимъ искусствомъ и, вмѣстѣ съ братомъ, игрывалъ на домашнихъ представленіяхъ. Французская и итальянская словесность ему были близко-знакомы; не менѣе любилъ онъ и нашу словесность. Онъ имѣлъ великое несчастіе пережить нѣсколькими годами знаменитаго своего сына, который въ послѣдніе годы своей жизни съ нѣжностью заботился о немъ и объ устройствѣ его обстоятельствъ, какъ видно изъ одного ненапечатаннаго письма его. Жена его, Надежда Осиповна Ганнибалъ, приходилась ему внучатною сестрою.

Поговоримъ теперь о родственникахъ поэта со стороны матери.

Въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія у турецкаго султана, въ сералѣ, содержался аманатомъ ребенокъ-негръ, сынъ какого-то африканскаго владѣтельнаго князька. Ему было 8 лѣтъ, когда русскій посланникъ въ Царьградѣ купилъ его и, вмѣстѣ съ другими арапчатами, послалъ въ подарокъ Петру-Великому. Государь вмѣстѣ съ польскою королевою, супругою Августа, крестилъ маленькаго Ибрагима въ Вильнѣ, въ 1707 г., и далъ ему фамилію Ганнибалъ, конечно, въ память его соотечественника, знаменитаго врага Римлянъ. Старшій братъ его пріѣзжалъ въ Царьградъ, а потомъ и въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ; но государь, спачала принявшій къ себѣ арапченка, вѣроятно, только по страсти своей къ рѣдкостямъ, видно, замѣтилъ въ немъ достоинства: онъ полюбилъ крестника и не согласился отдать его брату. Такимъ-образомъ молодой Ганнибалъ остался въ Россіи. «Но до глубокой старости онъ помнилъ свою Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ которыхъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ связанными руками за спину, междутѣмъ, какъ онъ одинъ оставался свободенъ и плавалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою *Лагань*, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся»... До 1716 г. Ганнибалъ находился неотлучно при особѣ государя, спалъ въ его токарнѣ, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ. На 18 году своего возраста онъ былъ посланъ для обученія во Францію, гдѣ вступилъ въ армію регента, герцога орлеанскаго, участвовалъ въ испанской войнѣ и въ одномъ подземномъ сраженіи получилъ рану въ голову. Жизнь и отношенія его парижскія изображены въ неоконченномъ романѣ Пушкина: *Арапъ Петра Великаго*, равно какъ и возвращеніе его въ Россію. Дальнѣйшія о немъ подробности можно читать въ 11 томѣ сочиненій Пушкина. Прибавляемъ только то, чего тамъ нѣтъ (33). Абрамъ

---

(33) Всѣ эти свѣдѣнія о Ганнибалѣ сохранены для потомства геніальнымъ его правнукомъ, который дорожилъ малѣйшею подробностью о

Петровичъ былъ личный врагъ Бирона, который, желая повредить ему, послалъ съ порученіемъ въ Сибирь, измѣрять китайскую стѣну. Минихъ ему доброхотствовалъ. Онъ былъ два раза женатъ. Съ первою женою, красавицею-Гречанкою, которая родила ему дочь Поликсену, онъ развелся, и женился во второй разъ, въ бытность свою обер-комендантомъ въ Ревелѣ, на Христинѣ Регинѣ фон-Шеберхъ: отъ нея у него было нѣсколько человѣкъ дѣтей. Такимъ-образомъ законъ, въ новое время замѣченный историками, что великіе народы возникаютъ отъ смѣшенія различныхъ племенъ, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ лицамъ, оправдывается надъ нашимъ поэтомъ: кромѣ русской и африканской крови, въ жилахъ его текла и нѣмецкая кровь. По преданію, сообщенному мнѣ моею теткою, которая помнитъ еще Державина губернаторомъ въ Тамбовѣ и, какъ дочь липецкаго городничаго (34), была коротко знакома съ бабкою и матерью Пушкина, Абрамъ Петровичъ слылъ суровымъ, неумолимымъ человѣкомъ, по-крайней-мѣрѣ, въ старости: младшій сынъ его, Осипъ, женился противъ его воли, и когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, молодые явились къ нему и на колѣняхъ просили прощенія, то отъ его суроваго взгляда молодая невѣстка упала въ обморокъ.

Самъ Пушкинъ говоритъ о старшемъ его сынѣ, Иванѣ Абрамовичѣ, героѣ наваринскомъ: ему поставлены два памятника — въ Херсонѣ, котораго онъ былъ основателемъ, и въ Царскомъ Селѣ, съ надписью: *Побѣдамъ Ганнибала.* Послѣдній памятникъ всегда былъ на глазахъ молодаго поэта,

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Онъ безмятежно расцвѣталъ.

Младшій сынъ, Осипъ Абрамовичъ, также флотскій офицеръ, пріѣхавъ въ 1773 году на липецкіе чугунные заводы, женился на дочери тамбовскаго воеводы, Марьѣ Алексѣевнѣ Пушкиной. Соединясь бракомъ по страсти, они вскорѣ развелись и до конца жизни не сходились. Онъ оставался въ деревняхъ своихъ;

своемъ предкѣ-Африканцѣ. Пушкинъ имѣлъ намѣреніе напечатать полную біографію его, о чемъ говоритъ самъ въ одномъ изъ примѣчаній къ первому изданію «Евгенія Онѣгина». Для этого онъ имѣлъ, кромѣ семейныхъ преданій, особенные матеріалы, погибшіе, надо думать, вмѣстѣ съ его *Записками*, объ утратѣ которыхъ онъ такъ жалѣлъ. «Записки» эти были ведены съ 1820 года и сгорѣли осенью 1826 года.

(34) См. «Москвитянинъ» 1852 г., № 24; также «Дневникъ Студента» подъ 16-мъ іюля.

жена, съ единственною дочерью Надеждою Осиповною, сначала жила подъ покровительствомъ деверя, потомъ въ домѣ зятя своего.

Марья Алексѣевна Ганнибалъ замѣчательна для насъ особенно потому, что была первою воспитательницею поэта. У нея выучился онъ читать и писать порусски. Онъ залѣзалъ въ ея рабочую корзину, смотрѣлъ, какъ она занималась рукодѣльемъ, слушалъ ея разсказы про старину... Отъ нея, безъ-сомнѣнія, осталось въ памяти Пушкина много семейныхъ преданій. Замѣтить надо, что Марья Алексѣевна отлично писала порусски. Русскимъ слогомъ ея писемъ восхищался Дельвигъ. Она скончалась въ 1818 году, въ Михайловскомъ (Псковской Губерніи, Опочковскаго Уѣзда), на рукахъ своего внука, тогда только-что вышедшаго изъ Лицея, и похоронена, подлѣ своего мужа, въ Святогорскомъ Монастырѣ. Тутъ Пушкинъ въ первый разъ посѣтилъ Михайловское—родовую деревню Ганнибаловъ, гдѣ потомъ суждено было ему провести два лучшіе года, полные поэтической дѣятельности, съ іюля 1824 по конецъ августа 1826 года (тутъ писалъ онъ «Онѣгина» и «Бориса Годунова»). Рядомъ съ бабкою въ Святогорскомъ Монастырѣ лежитъ онъ теперь подъ бѣлымъ саркофагомъ, осѣняемый старинными липами, на площадкѣ, передъ алтаремъ церковнымъ...

Мать поэта, Надежда Осиповна, съ прекрасною наружностью креолки, какъ называли ее въ обществѣ, отличалась добротою характера и здравымъ, твердымъ разсудкомъ. Въ 1796 году она вышла замужъ за своего внучатнаго дядю, Сергѣя Львовича (35). 40 лѣтъ продолжалось это супружество. Она скончалась въ Санктпетербургѣ, въ началѣ 1836 года. Поэтъ проводилъ ея тѣло въ

---

(35) Для ясности предлагаемъ таблицу.

Стольникъ Петръ Пушкинъ.

Александръ Петровичъ — Михаилъ Петровичъ.

Левъ Александровичъ. — Алексѣй Михайловичъ, женатый на Саррѣ Юрьевнѣ, урожденной Ржевской.

Сергѣй Львовичъ. — Марья Алексѣев. Михаилъ Алексѣев. Юрій Алексѣев.

Александръ Сергѣевичъ. — *Надежда Осиповна.* — Алексѣй Михайловичъ, переводчикъ Мольера. — Александръ Юрьевичъ.

Святогорскій Монастырь, тамъ похоронилъ подлѣ ея отца и матери, и рядомъ съ ними купилъ для себя мѣсто, куда, ровно черезъ годъ, его и положили.

Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна переѣхали изъ Петербурга на житье въ Москву. Здѣсь, въ 1799 году, 26 мая, въ день Вознесенія (36), родился у нихъ сынъ, Александръ. Они жили тогда не въ Нѣмецкой Слободѣ, какъ сказано у почтеннѣйшаго Александра Юрьевича, а на Молчановкѣ. Послѣ Пушкины дѣйствительно квартировали около Нѣмецкой Слободы, подлѣ Яузскаго Моста, какъ пишетъ и г. Макаровъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» о дѣтствѣ Александра Сергѣевича, но самъ поэтъ, жившій въ 1826 и 27 годахъ на Собачьей Площадкѣ, въ теперешнемъ домѣ Левенталя (во флигелѣ къ переулку), часто проѣзжая по Молчановкѣ, говаривалъ пріятелямъ, что онъ родился на этой улицѣ, но дома не могъ ужь указать. Крестилъ ребенка графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ, женатый на двоюродной сестрѣ Марьи Алексѣевны. Лѣтъ до семи Пушкинъ не обнаруживалъ ничего особеннаго. Толстый, неповоротливый ребенокъ, всегдашнею молчаливостью онъ даже приводилъ въ отчаяніе домашнихъ. Его почти насильно водили гулять и заставляли бѣгать. Однажды, гуляя съ матерью, онъ отсталъ и усѣлся посреди улицы; замѣтивъ, что одна дама смотритъ на него въ окошко и смѣется, онъ поднялся, говоря: «Ну, нечего скалить зубы!» (37). Историческія и семейныя преданія отъ бабушки и народныя отъ няни, Арины Родіоновны, которая отлично знала пѣсни, сказки, повѣрья и сыпала поговорками и пословицами (38), рано заронились въ душу будущаго поэта и не пропали въ ней, несмотря на то, что все формальное образованіе его было вполнѣ иностранное.

Лѣтъ семи онъ сдѣлался развязнѣе, и прежняя неповоротливость замѣнилась въ немъ даже рѣзвостью и шаловливостью. Едва-ли не

---

(36) Передъ смертью Пушкинъ говаривалъ, что важные случаи его жизни приходились въ Вознесенье, и, намѣреваясь на житье переѣхать въ свое Михайловское, онъ думалъ построить тамъ церковь Вознесенія.

(37) Изъ «Воспоминаній» сестры Ольги Сергѣевны, нынѣ дѣйствительной статской совѣтницы *Павлищевой*.

(38) Она воспѣта прекрасно Языковымъ въ «Посланіи къ ней» и въ стихахъ «На смерть ея».

съ этихъ поръ началъ онъ писать стихи на французскомъ языкѣ, потому-что въ домѣ этотъ языкъ господствовалъ, да и гувернёры (часто смѣнявшіеся) были по-большей-части Французы. Изъ первыхъ его произведеній въ памяти семейной сохранилась поэма *La Toliade*, пѣсняхъ въ шести, которой содержаніемъ была война между карлами и карлицами короля Дагобера. Эта героикомическая поэма была написана послѣ чтенія «Генріады» Вольтера. Ни одного русскаго стихотворенія не сохранилось отъ этого времени. Учители Пушкина были иностранцы. Русскому языку и Закону Божію училъ его священникъ Маріинскаго Института Александръ Ивановичъ Бѣликовъ, переводчикъ Массильйона и въ свое время извѣстный проповѣдями. Учился Пушкинъ небрежно и лѣниво; но зато рано пристрастился къ чтенію, любилъ читать плутарховы біографіи, Иліаду и Одиссею, въ переводѣ Битобе, и забирался въ библіотеку отца, которая состояла преимущественно изъ французскихъ классиковъ, такъ-что впослѣдствіи онъ былъ настоящимъ знатокомъ французской словесности и исторіи и усвоилъ себѣ тотъ прекрасный французскій слогъ, которому въ письмахъ его не могли надивиться природные Французы, въ томъ числѣ и извѣстный писатель, Сен-При. Страсть къ литературѣ и чтенію развивалъ въ немъ и отецъ, любившій читать вслухъ и особенно-мастерски читавшій Мольера, и общество, у нихъ собиравшееся: кромѣ Василья Львовича и другаго двоюроднаго дяди, Алексѣя Михайловича, очень-извѣстнаго въ московскомъ обществѣ (39), молодой Пушкинъ безпрестанно видалъ Дмитріева, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, графа Местра (40) и пр. Все это возбуждало и настроивало мальчика къ самодѣятельности. Онъ началъ писать стихи, которые обратили на него вниманіе. Въ «Воспоминаніяхъ» Макарова читаемъ любопытный анекдотъ о застѣнчивости отрока-поэта. Ужь тогда нѣкоторые знакомые могли предвидѣть въ немъ что-то особенное. Онъ справедливо говорилъ впослѣдствіи про свою Музу:

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой; и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами.

---

(39) Воспитанника Московскаго Университета и переводчика мольерова «Тартюфа»: *Ханжеевъ или Лицемѣръ*, 1809 года.

(40) Ксавье, недавно-умершаго автора извѣстной книги: «Voyage autour de ma chambre».

Къ числу обстоятельствъ, которыя могли поддерживать и питать поэтическое дарованіе молодаго Пушкина, безъ-сомнѣнія, принадлежитъ то, что, съ 1806 года до вступленія въ Лицей, онъ ежегодно проводилъ лѣтнее время въ деревнѣ своей бабушки, селѣ *Захарьинѣ*, лежащемъ верстахъ въ сорока отъ Москвы, по Можайкѣ. Тамъ раздавались русскія пѣсни, устроивались праздники, хороводы, и Пушкинъ имѣлъ возможность обильно воспринимать впечатлѣнія народныя. Онъ очень любилъ эту деревню, и въ зрѣломъ возрастѣ не разъ посѣщалъ ее, ужь перешедшую къ другому владѣльцу. Вспоминая объ этой деревенской жизни, онъ разсказывалъ одному изъ друзей своихъ слѣдующій анекдотъ. Въ Захарьинѣ жила съ ними одна родственница, молодая дѣвушка, сумасшедшая. Ее держали въ особой комнатѣ. Говорили и думали, что ее можно вылечить испугомъ. Разъ молодой Пушкинъ ушелъ гулять въ рощу. Онъ любилъ гулять, расхаживалъ, воображалъ себя богатыремъ и палкою сбивалъ верхушки и головки растеній. Возвращаясь домой съ такой прогулки, встрѣчаетъ онъ на дворѣ свою сумасшедшую родственницу, въ бѣломъ платьѣ, растрепанную, взволнованную. «Mon frère, on me prend pour un incendie» кричитъ она ему. Дѣло въ томъ, что для испуга къ ней въ окно провели кишку пожарной трубы. Догадавшись объ этомъ, Пушкинъ спокойно и съ любезностью сталъ увѣрять ее, что она напрасно такъ думаетъ, что ее сочли не за пожаръ, а за цвѣтокъ, что цвѣты тоже поливаютъ изъ трубы.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Захарьина, въ большомъ селѣ князей Голицыныхъ, Вязёмѣ, на погостѣ старинной церкви (въ которой, какъ и въ селѣ, сохранилась память Бориса Годунова) (41) похороненъ братъ Пушкина, Николай (род. 1802, ум. 1807 г.). Ни онъ, ни другой братъ, недавно-умершій, Левъ Сергѣевичъ, не были настоящими товарищами его дѣтства—первый потому, что скоро умеръ, второй потому, что былъ моложе его. Другомъ дѣтства Пушкина была до конца нѣжно-любимая имъ сестра (старше его однимъ годомъ) Ольга Сергѣевна. Она училась съ нимъ вмѣстѣ, была товарищемъ его игръ, первымъ и единственнымъ судьею и цѣнителемъ его ребяческихъ опытовъ въ стихотворствѣ.

Въ 1811 году, когда Пушкину минуло двѣнадцать лѣтъ, стали думать объ опредѣленіи его куда-нибудь въ заведеніе для болѣе-правильнаго образованія. Тогда заводился Царскосельскій Лицей. Директоромъ его назначали друга Сергѣя Львовича, Василья

---

(41) См. о Вязёмѣ у Карамзина, т. XI, стр. 265 и еще стр. 248. Вездѣ ссылки на *второе* изданіе.

Ѳедоровича Малиновскаго, брата извѣстнаго археолога. Александръ Ивановичъ Тургеневъ, служившій при тогдашнемъ министрѣ просвѣщенія князѣ Голицынѣ, обѣщалъ свое содѣйствіе; родители предварительно съѣздили въ Петербургъ освѣдомиться, и лѣтомъ 1811 года Василій Львовичъ повезъ туда двѣнадцатилѣтняго поэта. Съ іюня по октябрь шли приготовительныя занятія къ вступительному экзамену, а 19 октября 1811 года открылся Лицей.

Поступленіемъ въ это заведеніе рѣшилась будущая судьба Пушкина. Онъ становится на свою дорогу. Слѣдить за нимъ на этой дорогѣ предоставляется его біографу...

ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.

1853 г. іюня 11-го.
Село Петрищево.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ XCI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1853.